

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ: ПОСЛЕДНИЕ РАБОТЫ И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

В обширном и многоплановом творческом наследии выдающегося российского историка И.Д. Ковальченко видное место принадлежит изучению методологических проблем исторической науки. В последнее десятилетие жизни ученого именно эта проблематика стала ведущей в его творчестве, определив направление исследовательских интересов. Убеденный приверженец материалистического понимания истории, И.Д. Ковальченко в своей, получившей широкое признание книге "Методы исторического исследования" (М., 1987) подвел своеобразные итоги развития советской историко-теоретической мысли, обозначив ее сильные и слабые стороны. Думается, это обстоятельство в немалой степени может объяснить ту четкую методологическую позицию, которую ученый занял в последующие годы, когда последовало крушение безраздельно господствовавшей в советской исторической науке марксистской парадигмы истории.

Эту позицию иногда называют консервативной, а ученых, придерживающихся ее, причисляют к консерваторам, препятствующим обновлению отечественной науки. Действительно, на фоне некоторых своих коллег, прошедших в считанные годы путь от апологетики марксизма до его полного отрицания, И.Д. Ковальченко может показаться консерватором. Но так ли это на самом деле? Не является ли подобный "консерватизм", воплощающий преемственность в развитии научных знаний, более продуктивным, чем основанное на безоглядном отрицании предшествующего этапа в этом развитии "новаторство"?

Присмотримся под этим углом зрения к последним работам И.Д. Ковальченко, отразившим характер и направленность его методологических исканий. Представляется, что их анализ может не только прибавить существенные штрихи к научной биографии ученого, но и способствовать лучшему пониманию современной историографической ситуации и вытекающих из нее задач теоретико-методологических исследований, так как речь идет о нелегких размышлениях большого ученого, внесшего значительный вклад в отечественную науку, о причинах ее кризиса и путях выхода из него.

Уже в первой из рассматриваемых работ подчеркивалась необходимость новых теоретико-методологических подходов и решений и формулировались соответствующие задачи¹. Но эти новые подходы и решения отнюдь не предполагали радикальный разрыв с прежней методологической базой, на какой основывалась советская историография, равно как и нигилистическое отношение ко всему прошлому. Спустя год, выступая с докладом "О состоянии и перспективах фундаментальных исследований в области исторических наук" на заседании Президиума РАН и указывая на кризис, переживаемый исторической наукой, И.Д. Ковальченко предостерегал против оценки ее развития как чисто негативного процесса. "...У нас, - говорил он, - имеется научный потенциал, опираясь на который можно двигаться дальше. Иначе разговор о перспективах науки не имел бы смысла".²,

Это предостережение и сегодня в полной мере сохраняет свою актуальность. Действительно, положение о том, что каждая самобытная, культура может успешно развиваться лишь произрастая на национальной почве, имеет прямое отношение к исторической науке, являющейся ее важным составным ингредиентом. В частности, это означает, что при всей важности и даже прямой необходимости широкого использования достижений новейшей западной историко-философской мысли, научная плодотворность такого использования не в малой степени будет зависеть от сохранения преемственности в развитии на всех ее структурных уровнях, в том числе и теоретико-методологическом.

Ибо в этой преемственности находят свое воплощение определенные традиции, присутствующие в каждой национальной историографии, и выражающие ее специфические особенности. Эти особенности продолжают сохраняться и в настоящее время, время прогрессирующей интернационализации деятельности историков, отражая то особенное, что присутствует в каждой национальной историографии, в какой бы мере она ни интегрировалась в общий историографический процесс.

Одной из характерных черт отечественной историографии является выраженный интерес к теоретико-методологической проблематике. Отчетливо проявившийся уже во второй половине прошлого столетия, он обусловил ее достаточно высокий теоре-

¹ Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. №5. С. 4.

* См: Никифоров Е.А. Обсуждение работы Отделения истории РАН // Новая и новейшая история. 1993. №2. С. 51.

тический уровень. В этом контексте следует рассматривать и ее отношение к марксизму. Возникший еще в последней четверти XIX в. интерес к материалистическому пониманию истории позволяет говорить о существовании в отечественной историографии стойкой традиции, наложившей свою печать на весь ее облик. Вследствие этого проблема преемственности в развитии отечественной исторической науки выступает в значительной степени как проблема отношения к марксизму.

Кризис марксистской парадигмы истории, приобретший особенно глубокий и разрушительный характер в условиях крушения "реального социализма", вызвал в российской историографии широкий разброс мнений о научном значении марксистской теории и ее месте в методологическом инструментарии современной науки. С одной стороны, утверждается, что "материалистическое понимание истории нуждается в обновлении", не затрагивающем, однако, его фундаментальных положений, ибо "ни одна из идей, входящих в ядро материалистического понимания истории, никогда никем не была опровергнута. В этом смысле исторический материализм непоколебим"³. С другой, и эта точка зрения является в современной историографии преобладающей, утверждается, что "марксизм закрыл себе путь в современность" * и, таким образом, утратил всякое позитивное значение для современной историко-теоретической мысли. Соответственно, отношение того или иного историка к марксизму служит критерием его "новаторства" или "консерватизма".

Между тем действительное значение этой проблемы лежит в другой плоскости. Речь идет о преемственности в развитии отечественной историографии на теоретико-методологическом уровне, а именно, о судьбе традиции, имеющей за собою более, чем вековую историю. Вот почему место апологетики или отрицания материалистического понимания истории должен занять взвешенный, строго научный анализ его познавательных возможностей в свете современной историографической ситуации.

Представляется поучительным проследить под этим углом зрения подход к обозначенной проблеме И.Д. Ковальченко. Едва ли будет преувеличением утверждать, что она занимала центральное место в его методологических размышлениях последних лет, так как речь шла не столько об оценке марксизма, сколько о состоянии и перспективах развития российской исто-

³ Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. 1996. №3. С. 82.

⁴ Алаев Л.В. Где тонко - там и порвалось! // Новая и новейшая история. 1996. №3. С. 90.

рической науки, обладающей стойкой марксистской традицией в своих теоретико-методологических основах. Впрочем, для ученого это две органически взаимосвязанные грани одного явления, привлекавшего его пристальное внимание.

Уже в статье 1991 г. И.Д. Ковальченко указывает на необходимость исторического и объективного отношения к марксизму, как и к любой общественно-научной теории. Такое отношение, подчеркивает он, "требует разностороннего подхода к марксизму, а не его оценки с апологетических или нигилистических позиций"⁵. Опыт такого подхода и представлен в статье. Для своего времени это была одна из первых серьезных попыток самокритики советской исторической науки. Не ограничиваясь ставшими к тому времени уже обычными ссылками на догматические извращения марксистской теории, И.Д. Ковальченко обращается к критическому анализу самой теории. Он отмечает наличие в марксизме наряду с его непреходящим вкладом в развитие общественной мысли изначально ошибочных представлений, а также положений, имевших исторически преходящий характер, т.е. справедливых лишь для определенной исторической эпохи.

Такой подход вел к преодолению абсолютизации марксизма как единственно верного учения об обществе, открывая возможность для плодотворных дискуссий между историками, стоящими на разных теоретико-методологических позициях. Вместе с тем сам автор статьи продолжал оставаться убежденным марксистом. Вся она была проникнута уверенностью в возможности решения на базе творческого марксизма коренных проблем отечественной истории XX в., как и убеждением в исторической прогрессивности социализма, сочетавшемся с надеждой, что перестройка "кладет начало новому этапу генезиса социализма - его переводу на естественно-историческую основу"⁶.

История, как известно, распорядилась иначе. Тем более настоятельным делался критический анализ теоретико-методологических основ исторической науки, оказавшейся неспособной предвидеть совершавшиеся в стране и мире в конце XX в. глобальные перемены. Все очевиднее становилась необходимость радикального пересмотра самой парадигмы истории, господствовавшей в советской исторической науке и основывавшейся на марксистской методологии.

Такой пересмотр не мог сводиться к простому отказу от методологического понимания истории, но вместе с тем предпо-

⁵ Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории. С. 6-7.

⁶ Там же. С. 9.

лагал перемену самого взгляда на природу исторического познания.

Важнейшим элементом этой перемены стало утверждение плюралистического подхода к объяснению истории. Это не было возвращением к методологическому эклектизму, воплощавшемуся в позитивистской теории многофакторности. Напротив, речь идет о новом уровне исторического объяснения, основывающемся на синтезе различных теорий исторического процесса. Так сохранявшаяся на протяжении всего нашего столетия проблема исторического синтеза приобрела новое качество - теоретического синтеза высшего уровня. Таков вектор развития всей современной историко-теоретической мысли.

В этом русле шли и раздумья И.Д. Ковальченко о новых методологических подходах в изучении истории. Уже в своем докладе на заседании Президиума РАН в ноябре 1992 г. он формулирует принципиально важное положение о необходимости "комплексного интегрального подхода к объекту исторического познания, к его методам и к объяснению общественно-исторического развития". Такой подход требует преодоления односторонности как идеалистического, так и материалистического понимания истории, ведущей, по справедливому замечанию ученого, к одномерности во взгляде на историю⁷.

Заметим, что в отличие от модной ныне идеализации западной историографии, И.Д. Ковальченко видит наряду с ее несомненными достоинствами также слабости и недостатки, проистекающие, на его взгляд, из гипертрофии субъективных, индивидуально-неповторимых, стихийно-эволюционных обстоятельств.

Однако главное внимание, естественно, уделяется критике односторонности материалистического понимания истории в той его форме, какая утвердилась в советской историографии. По мнению ученого, "самая важная и самая трудная задача состоит в том, чтобы вытеснить одномерный и примитивный детерминизм, направленный на сведение многообразных факторов, которые определяют ход исторического процесса, к каким-либо универсальным, глобальным факторам, рассматривать его во всем многообразии и искать в нем равнодействующую"⁸.

Так закладываются основы для формирования новой, плюралистической по своей природе, парадигмы истории. Но методологический плюрализм отнюдь не равнозначен субъективистскому произволу. Продолжают сохранять свою актуальность вы-

⁷ См.: Никифоров Е.А. Указ. соч. С. 52.

⁸ Там же.

сказанные на этот счет предостережения И.Д. Ковальченко. Он усматривал главную опасность в "примитивно понимаемом плюрализме", ведущем к возрождению субъективного метода, отвергнутого наукой более сотни лет назад, противопоставляя ему "истинный плюрализм в науке", понимая под ним "обязанность исследователя при изучении тех или иных явлений исторического развития интегрировать самые различные методологические, теоретические подходы таким образом, чтобы они давали возможность углубить анализ тех или иных явлений исторического развития". Соответственно этому переосмысливается известное марксистское положение об определяющей роли в человеческой истории развития производительных сил. Не отрицая этой роли, И.Д. Ковальченко определяет ее лишь как тенденцию, подчеркивая, что в конкретных исторических обстоятельствах "движущими силами любых крупных событий в любой стране или группе стран могут быть самые разнообразные факторы: экономические, политические, идеологические, религиозные и т.д."⁹.

Свое дальнейшее развитие и углубление эти мысли получили в последней опубликованной работе И.Д. Ковальченко¹⁰. Эта большая, получившая широкий резонанс в кругах научной общественности статья может рассматриваться как своеобразное подведение итогов напряженных духовных исканий ученого. Перед читателем предстает достаточно стройная программа теоретико-методологического перевооружения исторической науки как необходимого условия преодоления ею нынешнего кризиса. Ибо, по убеждению ученого, это - методологический кризис, характеризующий современное состояние не только отечественной, но и западной исторической науки.

Представляет интерес самое определение кризиса, предлагаемое в статье. Под кризисом автор понимает "такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, следовательно, и конкретно исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания"¹¹. Эта формулировка едва ли может быть признана бесспорной, поскольку она обходит молчанием важнейшую характеристику кризиса любой науки - несостоятельность господствующей в ней системы теоретико-методологических представлений и соответствующих исследовательских методик.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. №1.

¹¹ Там же. С. 3.

Вместе с тем является несомненной ее инструментальная роль, позволяющая обосновать значение выдвигаемой в статье проблемы теоретико-методологического синтеза как важнейшей задачи современной исторической науки, "непременного, безусловного условия преодоления кризиса, в котором она оказалась в последние десятилетия"¹².

Проблема исторического синтеза оживленно обсуждается в новейшей исторической литературе. По справедливому замечанию Л.П. Репиной, "доведенное до логического тупика, расщепление истории (по предмету и по методам) естественно вызвало обратное движение к новому синтезу". Она указывает на интегративную тенденцию как ведущую в современной историографии и усматривает ее проявление в призывах к преодолению антитезы структурного и антропологического подходов, микро- и макроистории, системного и динамического видения исторического процесса и т.п.¹³. Таким образом, проблема исторического синтеза интерпретируется как проблема целостности исторического познания. Подчеркивая это обстоятельство и указывая на достижение исторического синтеза как сверхзадачу современной науки, А.Я. Гуревич прямо определяет его как более или менее целостное, системное постижение изучаемого общества¹⁴.

И.Д. Ковальченко вводит в обсуждение этой проблемы новое измерение. Проблема теоретико-методологического синтеза для него это в первую очередь проблема преодоления поляризации мировой исторической науки, обострившейся в XX в. и, особенно, во второй его половине вследствие все возрастающей идеологизации и политизации истории, приведшей к тому, что "историческое познание как единая в своей главной сути целостность в очень большой мере распалась"¹⁵. Таким образом И.Д. Ковальченко также ставит проблему целостности исторического познания, но обращается к ней под несколько иным углом зрения. Под этим понятием он понимает прежде всего преодоление идейно-теоретической конфронтации и различных направлений исторической мысли и, в конечном итоге, восстановление единства мирового исторического процесса.

Разумеется, оба обозначенных подхода не противоречат один другому, а скорее взаимодополняют друг друга, отражая

¹² Там же.

¹³ Репина Л.П. Социальная история на пороге XX века: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994. С. 3.

¹⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993. С. 21.

Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 4.

различные аспекты проблемы исторического синтеза. Значение предлагаемого И.Д. Ковальченко подхода видится в том, что он ориентируется на поиски теоретико-методологических основ новой парадигмы истории, отражающей как ведущие тенденции развития современной исторической науки, так и те социокультурные реалии, в которых это развитие происходит.

Трудно не согласиться с прокламируемыми И.Д. Ковальченко основными постулатами, определяющими направление этого поиска. Во-первых, категорический отказ от любых претензий на создание неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Во-вторых, гносеологический плюрализм, предполагающий, что всякая научная теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, содержит рациональное зерно и вносит таким образом свой вклад в развитие общественно-научной мысли. В-третьих, признание исторической ограниченности любой концепции общественного развития, выработанной на основе той или иной философско-исторической теории, и, как следствие, в-четвертых, изначальное присутствие в ней определенных ошибок и просчетов. "Таким образом, - заключает И.Д. Ковальченко ход своих мыслей, - задача историков, как и других обществоведов, состоит в том, чтобы на основании тщательного анализа выделить из совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все то, что позволяет углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)"¹⁸.

Однако И.Д. Ковальченко не просто провозглашает необходимость теоретико-методологического синтеза как настоящей задачи современной исторической науки. В статье содержится обстоятельное рассмотрение целого ряда теоретико-методологических проблем, которые, на его взгляд, прежде всего требуют интегрального подхода и важны для практики исторического исследования. Обращают на себя внимание обилие и характер этих проблем. Вот их неполный перечень: основные особенности общественно-исторического развития и его движущие силы, проблема альтернативности в истории, соотношение индивидуального, социального и общечеловеческого, единичное, особенное и общее, цивилизационный подход и его соотношение с

¹⁸ Там же. С. 5.

формационным, результаты исторической деятельности и их оценка.

Предваряя их рассмотрение, И.Д. Ковальченко подчеркивает, что речь пойдет лишь об авторском видении и постановке проблем, которые требуют специальной разработки. Это действительно "заметки и размышления о новых подходах", как точно определяет сам автор жанр своей статьи, связанные с поисками новой парадигмы истории.

Другой характерной особенностью этого рассмотрения является его тесная привязанность к проблемам отечественной истории. Постулируемые автором методологические подходы не остаются голыми теоретическими абстракциями, а облекаются в плоть и кровь конкретных российских реалий. Благодаря этому достигается большая убедительность методологического анализа, тем паче, что она принадлежит перу выдающегося знатока российской истории.

При всем многообразии понимаемых И.Д. Ковальченко проблем можно, пожалуй, выделить центральную тему, составляющую лейтмотив всех его рассуждений о новых подходах. Это - методологический плюрализм как исходный принцип исторического анализа. Обращаясь к самым острым проблемам отечественной истории, он на их примере обосновывает научную плодотворность использования этого принципа, обогащающего наше видение прошлого, раскрывающего его многомерность, несводимость к какому-либо одному началу, материальному или духовному.

Заметим в этой связи, что ученый, стяжавший себе громкое имя в науке своими исследованиями аграрных отношений, обращается теперь к духовной стороне жизни русской дореволюционной деревни. Ни в коей мере не отрицая значение экономической детерминанты, он удачно дополняет ее доминантой другого порядка - социально-психологической, подчеркивая, что "ментальность, социально-психологическое восприятие действительности и обусловленные этими мотивами деятельность и поведение - важнейшие компоненты и движущая сила исторического развития, которые требуют самого пристального внимания историков"¹⁷.

Так на смену традиционной формуле "или-или" приходит плюралистическое "и-и", в гораздо большей степени отвечающее современному пониманию природы исторического познания, отвергающее любую односторонность в подходе к изучению исторической действительности. И, как убедительно показывает в

¹⁷ Там же. С. 17.

своей статье И.Д. Ковальченко, чем более сложной является эта действительность, тем шире и многообразнее формулирующие ее факторы.

Не все предлагаемые в статье подходы представляются в равной мере убедительными. Уже ставилась под сомнение излишняя категоричность положения об основополагающей - "монистической" - роли потребностей, которые определялись автором статьи как исходное и всеобщее начало всей человеческой деятельности¹⁸.

Известное чувство неудовлетворенности вызывает трактовка в статье цивилизационного подхода в изучении истории, не свободная от некоторой внутренней противоречивости. С одной стороны, например, утверждается, что "суть цивилизационного подхода состоит в том, чтобы "вписать" изучаемые явления в уже известную научную картину мира, рассмотреть их как повторяющиеся в новых исторических условиях варианты аналогичной деятельности"¹⁹. А с другой, автор присоединяется к тем определениям цивилизации, которые рассматривают ее как единую и целостную совокупность всех проявлений общественно-исторического развития на всех его этапах. "Иначе говоря, - продолжает И.Д. Ковальченко, - цивилизация - это всеобщее целостное выражение человеческой истории"²⁰. В свете этого определения представляется, что суть цивилизационного подхода как раз и заключается в создании научной картины, тем более, что по справедливому замечанию ученого цивилизационный подход интегрирует в себе другие подходы и методы исторического исследования²¹.

Впрочем в первом случае скорее речь должна идти о неудачном выражении, которое, однако, дает повод для недобросовестной критики, примером чему может служить статья А.А. Искендерова, где бездоказательно утверждается, что И.Д. Ковальченко отдает предпочтение формационному подходу перед цивилизационным. О приемах, с помощью которых аргументируется это утверждение, дает представление следующий пример. А.А. Искендеров пишет: "Формационный подход, по мнению автора (Ковальченко - *БМ.*) имеет "несомненное преимущество" сравнительно с другими, более узкими содержательно-ориентированными принципами типизации и периодиза-

¹⁸ См. об этом подробнее: "Круглый стол". Обсуждение журнала "Новая и новейшая история" // Новая и новейшая история. 1995. №5. С. 207.

¹⁹ Ковальченко И.Д. Теоретике-методологические проблемы... С. 29.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Там же. С. 31.

ции исторического развития". К этим "узким принципам" судя по всему ходу его рассуждений, автор относит и цивилизационный подход"²².

Взятые в кавычки в этой цитате слова действительно принадлежат И.Д. Ковальченко. Но они вырваны из контекста, в котором вообще не идет речь о соотношении формационного и цивилизационного подходов. На самом деле автор здесь говорит о другом - об опытах периодизации истории на основе различных категорий особенного в историческом развитии и, действительно, отмечает несомненное преимущество формационного подхода, но сравнительно не с цивилизационным, о котором в данном контексте вообще не говорится, а с такими более узкими содержательно-ориентированными принципами типизации и периодизации, как например, выделение исторических этапов на основе выявления различных стадий, в развитии государственности²³.

Цивилизационный подход И.Д. Ковальченко начинает рассматривать лишь на следующей странице, причем характерным образом он противопоставляется формационному как выражение общего в историческом развитии в то время как последний находится "в русле учета особенного"²⁴. И далее, как уже отмечалось, подчеркивается его интегрирующая роль в историческом познании, поскольку именно цивилизация является всеобщим целостным выражением человеческой истории. Как же после всего этого можно говорить, что И.Д. Ковальченко приписывает цивилизационному подходу подчиненное положение в системе исторического познания?!

Другое дело, что с И.Д. Ковальченко можно дискутировать в отношении его понимания природы цивилизационного подхода. Все размышления ученого на этот счет исходят из представления о существовании единой человеческой цивилизации, проходящей ряд стадий (цивилизационных эпох) в своем развитии.

Правда, он упоминает о различиях в отдельных компонентах, присущих локальным видам, но тут же подчеркивает, что это - виды "единой в общем стадийном плане цивилизации"²⁵. Соответственно этому в общем цивилизационном плане рассматриваются в статье и проблемы российской истории.

²² Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996, №4. С. 17.

²³ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 24.

²⁴ Там же. С. 25, ср. с. 24.

²⁵ Там же. С. 29.

Между тем одним из крупнейших завоеваний общественной мысли XX в. является широкое распространение в науке цивилизационного подхода в той его форме, которая получила разностороннее обоснование в теории локальных цивилизаций, т.е. исторически сложившихся обширных социо-культурных общностях, каждая из которых характеризуется специфическими признаками, отличающими ее от других подобных человеческих общностей. Именно они являются основными субъектами исторического процесса и, соответственно, должны стать, говоря словами крупнейшего представителя этой теории А.Дж. Тойнби, "умопостигаемым полем исторического исследования"²⁶. В их числе свое место занимает российская цивилизация. Осознание особой цивилизационной принадлежности России должно определять подходы к осмыслению ключевых проблем ее истории. Собственно, в этом и выражается использование цивилизационного подхода к изучению российской истории. Приходится только сожалеть, что в статье И.Д. Ковальченко такой подход отсутствует.

К статье можно предъявить упрек и другого рода. Слишком упрощенно ставится в ней вопрос об истинности исторического познания. Указывая на объективную потребность общества в получении истинных знаний о прошлом, И.Д. Ковальченко по существу ограничивается утверждением, что обретение таких знаний не только необходимо, но и возможно²⁷. Между тем проблема истинности исторического знания является одной из самых дискуссионных в XX веке, и не все здесь обстоит так просто, как может показаться читателям статьи²⁸.

Вероятно, к этой статье могут быть предъявлены и другие претензии. Вполне возможно также, что время внесет существенные коррективы не только в содержащиеся в статье конкретные оценки отдельных исторических событий, но и в те или иные прокламируемые в ней новые методологические подходы. Собственно, сам ее автор, очевидно, меньше всего претендовал на выражение здесь бесспорных и окончательных истин. И по своему жанру "размышлений и заметок", и по своим задачам это - поисковая статья, содержащая не столько ответы, тем более непреложные, сколько вопросы.

⁸⁶ См.: Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 21-42.

²⁷ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 3-4.

²⁸ О современном состоянии разработки этой проблемы см.: Могильницкий Б.Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. №5.

Но в этом и заключается ее действительное значение. В условиях крушения марксистской парадигмы истории и связанного с этим всплеска методологического субъективизма эта статья явилась едва ли не первой в отечественной литературе развернутой попыткой систематической постановки вопросов, разработка которых может заложить основу новой парадигмы истории. Сам И.Д. Ковальченко это понятие не употребляет, но по существу в его статье речь идет именно о ней. Вероятно, предложенный автором путь не является единственно возможным. Несомненно лишь одно - это будет плюралистическая парадигма, и акцентируя в своих заметках внимание историков на недопустимости любого одностороннего подхода к изучению явлений общественной жизни, на необходимости всестороннего учета действия материальных и духовных факторов исторического развития в их органическом единстве, ученый указывал на одну из фундаментальных основ этой будущей парадигмы.

С этих позиций обосновывается и место марксизма в системе обновленных теоретико-методологических подходов в изучении общественно-исторического развития. Это уже, конечно, не прежнее место всемогущего и единственно верного учения об обществе. Но вместе с тем И.Д. Ковальченко убедительно показывает и научную несостоятельность полного ниспровержения материалистического понимания истории как якобы безнадежно устаревшей теории, препятствующей адекватному пониманию прошлого. В этом смысле он оставался приверженцем марксистского исторического метода, что и вызвало столь раздраженную отповедь А.А. Искендерова.

Я уже обращался к его статье, отмечая несправедливость и прямую недобросовестность его критических приемов. И все же есть необходимость остановиться на ней более подробно как на своеобразной антитезе подходу И.Д. Ковальченко к определению задач исторической науки. Если И.Д. Ковальченко сомневается, ищет, то А.А. Искендеров твердо знает, вплоть до того, какой будет историческая наука в грядущем столетии. Если статья И.Д. Ковальченко нацеливает историков на творческую дискуссию по широкому кругу теоретико-методологических проблем их науки, то для А.А. Искендерова предмет такой дискуссии вообще отсутствует. Если для И.Д. Ковальченко материалистическое понимание истории является необходимым элементом плюралистической методологии, то по утверждению А.А. Искендерова "марксизм по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды"^м.

Эта полярность подходов и обусловила характер критики, содержащейся в статье А.А. Искендерова, целиком выдержанной в духе приснопамятных времен с их навешиванием политических ярлыков, прокурорским тоном, огульными и бездоказательными идеологизированными обвинениями. Как иначе можно расценить утверждение, что статья И.Д. Ковальченко "выдержана в традициях консервативного мышления, характерного для т.н. охранительного направления, занимающего все еще достаточно сильные и влиятельные позиции в российской академической науке"⁸⁰?

Или столь же абсурдное заявление, что имеющиеся "в статье оценки политики коллективизации и индустриализации несколько не изменились по сравнению с установками "Краткого курса" истории партии"⁸¹?

Действительно, эти оценки далеки от модного ныне в определенных кругах радикального отрицания всего советского периода. Но о каких установках "Краткого курса" можно говорить, если проблема индустриализации рассматривается И.Д. Ковальченко в совершенно ином плане - выяснения возможностей цивилизационного подхода в осмыслении конкретных исторических явлений. Напротив, в статье ведется прямая полемика с этими "установками". Указывая, что осуществление индустриализации страны стало первоочередной задачей в советское время, И.Д. Ковальченко продолжает: "Но она трактовалась как важнейшая предпосылка построения основ социализма, хотя в действительности была задачей общецивилизационной". И далее: "Как видим, цивилизационный подход к рассмотрению конкретного исторического явления позволяет более глубоко понять его и не сводить его причины к тому, что народ был либо вдохновлен идеалами социализма, как длительное время утверждалось в советской историографии, либо шел на тяготы и жертвы под давлением сверху, как это нередко утверждается в настоящее время. Тот же факт, что аграрная страна превратилась в мощную индустриальную державу и обеспечила свою экономическую независимость, не может быть не признан как громадный исторический успех независимо от того, кто и как будет оценивать советский период ее истории"⁸². Можно соглашаться или нет с такой постановкой вопроса, но для всякого непредубежденного читателя очевидно, что она не имеет ничего общего с тем, что приписывает автору А.А. Искендеров. Что же

⁸⁰ Там же. С. 15.

⁸¹ Там же.

⁸² Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 30.

касается коллективизации, то эта проблема в статье вообще не обсуждалась.

Впрочем, приписывание И.Д. Ковальченко того, что он не говорил, вообще является излюбленной методой его критика. Например, утверждается, будто "И.Д. Ковальченко полагает, что для обновления теоретико-методологических подходов и осуществления "теоретического прорыва" в сфере исторического: знания необходимо в первую очередь обратиться к количественным методам и компьютерной технике"³⁵. На самом же деле И.Д. Ковальченко, констатируя все более широкое распространение в исторической науке компьютеризации и количественных методов, пишет буквально следующее: "Их широкое внедрение на основе обновления теоретико-методологических подходов будет содействовать преодолению кризиса исторической науки и ее дальнейшему успешному развитию". И та же мысль проводится в заключение статьи, где подчеркивается, что без широкого применения количественных методов и компьютерной техники "невозможно развитие ни одной науки"⁸⁴. Мысль, вообще-то говоря, особой новизной не отличающаяся. Но где же здесь то, что приписывает ему А.А. Искендеров?

Другие примеры недобросовестной критики приводились выше. Не продолжая их, подчеркнем главное. Статья А.А. Искендерова свидетельствует о том, сколь долог и непрост путь к формированию плюралистической парадигмы истории, сколь живучи в сознании определенной части историков стереотипы бинарного мышления с его двуцветным видением мира, нетерпимостью, одномерностью суждений⁸⁵. Смена знаков в оценке тех или иных исторических явлений и в общем подходе к прошлому ничего не меняет по существу в самой природе исторического мышления. Оно остается таким же конфронтационным, не компромисса, настроенным на радикальный разрыв с прошлым, на поиск одной единственной истины, с той только разницей, что место формационного подхода в этом поиске занимает цивилизационный.

Отметим, наконец, еще одну черту бинарного исторического мышления, заключающуюся в его неспособности рассматривать то или иное историографическое явление в широкой культурно-исторической перспективе, в его разнообразных связях и опосредованиях. Применительно к нашей теме это означает све-

³⁸ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века. С. 19.

⁸⁴ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 4, 33.

³⁵ О бинарной культурной системе и соответствующем ей типе мышления см: Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 257-270.!

дение кризиса отечественной историографии к кризису марксизма. Полемизируя с И.Д. Ковальченко, указывающим на международный характер современного кризиса исторической науки, А.А. Искендеров пишет: "На самом же деле - и об этом надо сказать честно, ясно и недвусмысленно - кризис отечественной историографии в главном и основном порожден кризисом марксизма (прежде всего материалистическим пониманием истории в его крайне детерминистской форме)"⁸⁶. Спору нет, кризис марксизма стал мощным катализатором кризиса исторической науки. И все же, думается, более прав А.Я. Гуревич, когда он еще в 1991 г. рассматривал кризис марксистской историографии в общем контексте современного кризиса мировой исторической науки⁸⁷. При всем своеобразии проявления кризиса в различных национальных историографиях существуют некоторые общие черты, указывающие на генеральный вектор развития современной историко-теоретической мысли. В самом общем виде он может быть определен как ее движение от одностороннего монизма в объяснении истории к плюралистическому синтезу.

Сошлюсь на ход рассуждений известного американского историка исторической науки Э. Брейзаха в очерке, посвященном историко-теоретическим поискам XX в. Задаваясь вопросом, как западная историография перешла от светлой уверенности в будущем своей науки, характерной для начала века, к "современному моменту осязаемого сумрака", Э. Брейзах на примере методологических исканий американских историков устанавливает любопытную закономерность. Всякий раз всплеск надежд на то, что новая историческая теория или новый поворот в интерпретирующей или эпистемологической технике позволяет

⁸⁶ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века. С. 7. Впрочем так А.А. Искендеров думал не всегда. Еще сравнительно недавно он был убежден в прямо противоположном. Повествуя о плачевном состоянии западной историографии, он, очевидно, также "честно, ясно и недвусмысленно" полагал, что только марксизм способен исцелить тяжело больную дисциплину. "Только на этом пути [восприятия и осуществления принципа материалистического понимания всемирно-исторического процесса - *Б.М./*, - утверждал он, - можно добиться реальных и действительных результатов по преодолению кризиса, в котором на протяжении почти целого столетия безысходно пребывает буржуазная историческая наука". (Искендеров А.А. Основные черты и этапы кризиса буржуазной исторической науки // Новая и новейшая история. 1980. №5. С. 59). Такая вот смена знаков при сохранении основ бинарного мышления.

⁸⁷ См.: Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3.

овладеть "ключами от пояса времени", сменялся глубокими разочарованиями в возможностях исторического познания вообще. И пока за всеми теоретико-методологическими инновациями будет следовать крах иллюзий, пишет американский ученый, историографический кризис будет продолжаться до бесконечности, а "историк будет все более напоминать Сизифа без его упрямой воли и надежды". Поэтому "историография должна отказаться от упрощенного редукционизма любого рода", "должна восстановить баланс инноваций и традиций". "Только это, - заключает он, - дает перспективу для историографии выйти по ту сторону утопических надежд и следующих за ними разочарований"⁸⁸.

Думается, в этом русле идут и методологические поиски И.Д. Ковальченко, направленные на создание плюралистической парадигмы истории, балансирующей в высшем методологическом синтезе разные теоретико-методологические подходы и исследовательские методики. Побуждая к обсуждению широкого круга актуальных проблем исторического познания с позиции методологического плюрализма, они тем самым выполняют важную стимулирующую роль в долгом и трудном процессе самоопределения исторической науки в условиях историографической революции последних, десятилетий³⁹ и общих глобальных перемен, происходящих в стране и мире.

³⁸ Breisach E. The American Quest for a New History: Observations on Developments and Trends // *Western and Russian Historiography. Recent Views*. New York, 1993. P. 42-43.

³⁹ О понятии "историографическая революция" см.: Барг М.А. Индивид - общество - история // *Новая и новейшая история*. 1989. №2. С. 45.